

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 YuLinnik@yandex.ru

ПОЧИТАНИЕ ИЛЬИ-ПРОРОКА НА ВОДЛОЗЕРЕ

Ильинский погост на Водлозере занимает особое место в духовном пространстве Русского Севера. Он находится как бы на водоразделе – но не географическом, а культурно-историческом: вбирает в себя и западные (Заонежье), и восточные (Поонежье) влияния – синтезирует их. Храм св. Ильи-пророка (1798) имеет кубоватое покрытие – оно характерно для архитектурной традиции, ярко проявившей себя на р. Онега. Но раньше на Малом Колгострове стояла шатровая церковь – широкий спектр этой формы мы находим на берегах о. Онего. Храмовая икона была написана Игнатием Пантелеевым в 1647 году. Церковь неоднократно перестраивалась. Однако со всей определенностью мы можем утверждать, что в период 1708–1798 годов образ «Огненного восхождения пророка Илии» находился внутри шатрового храма: вертикализм, заданный семантикой иконы, как бы поддерживался и усиливался динамикой восьмигранного, сужающегося к зениту покрытия. Создавалась двойная духоподъемная тяга. Этот вектор – устремление к небу – можно проследить и на фольклорном материале, собранном непосредственно в этих местах. В статье делается попытка восстановить целостный контекст культа пророка Ильи на Водлозере, включая как христианские реалии, так и языческие реминисценции, связанные с почитанием Перуна. Влечеие к высокому, небесному – важнейшая интенция народной культуры.

Ключевые слова: Ильинский погост на Водлозере, шатровые и кубоватые храмы, икона письма Игнатия Пантелеева, Восхождение, Вознесение

1. Если прямой линией соединить остров Кижи на Онего и Малый Колгостров на Водлозере, то как раз посередине между ними окажется крайне причудливое по своим очертаниям Тубозеро, – именно здесь в одном из прибрежных сел была написана храмовая икона «Огненное восхождение пророка Илии», вскоре переданная вкупе с другими образами заказчикам-водлозерам – она благополучно пребывала в Ильинском храме вплоть до 1966 года, когда была вывезена экспедицией Карельского музея изобразительных искусств. В 1979 году к ее раскрытию приступил Н. В. Перцев. На нижнем поле сквозь копоть стала пробиваться надпись, сделанная белилами: «Писана икона лета 7155 го году при державе царя и государя великого князя Алексея Михайловича (в)сия Росии самодержца во второе лето благочестивыя державы его, а совершена икона сия тогож году месяца апреля в 6 день». Далее следует криптограмма – ее расшифровали сотрудники МИИ РК В. Г. Платонов и С. П. Сергеев: «А писал многогрешный раб первой, а по имени Игнатий Пантелеев» [14].

Первый – значит старший.

У Игнатия был младший брат Мокей.

В писцовой книге 1646–1647 годов мы можем прочесть: «Да того же Толвуйского погоста волостка Тубозера за губою за озером за Онегом, а в ней церковь во имя Рождества Пречистыя Богородицы древяна, а у церкви двор попа Пантелея Самсонова» [14]. Далее сообщается

о том, что дьячком в церкви служит Игнатьев, сын Пантелея. Мокей тоже подвивается дьячком. Примечательная семья! Отец – священник, сыновья – причетники. При дворе имеется келья просвирницына. Не служила ли она иконописной мастерской Игнатия? Дар изографа засвидетельствован только у него. Нет сомнений: это был недюжинный дар.

Волостка – маленькая волость.

Интересно, что комплекс тубозерских деревень – по-дословному волостка – приписывается к Толвуйскому погосту. Такое территориальное деление сегодня кажется несколько странным. Между Толвуей и Тубозером – Заонежский залив. А это в наших глазах – принципиальная граница, разделяющая хорошо различимые культурные миры: Заонежье и Пудогу. Хотя писцовая книга троекратно использует предлог «за», формально создавая эффект нарастающего удаления, но мы чувствуем: Тубозеро – не за тридевять земель; из Толвуи хорошо видны детали и частности его бытия.

Загубье, Наволок, Спировская, Островская, Филина гора, Мишутинская гора, Беляева гора – это названия некоторых тубозерских деревень, которые когда-то отражались в зеркалах укромных заливов, обособлявших селения, – каждое должно было смотреться самодовлеющим микрокосмом. Нечто подобное мы и ныне можем наблюдать на Кенозере. А вокруг Тубозера – печаль запустения: от прошлого цветения жизни ничего

не осталось. Добавим к списку исчезнувших деревень еще и *Гаршину гору*. Она была ядром Тубозерской волости – мы сейчас как бы укрупняем масштаб, дабы подробнее рассмотреть родину Игнатия Пантелеева. Что могла представлять из себя церковь Рождества Богородицы? Именно ее должен был в первую очередь украсить местный мастер.

Тут возможны лишь гадательные предположения, подкрепленные надежной и эвристичной – как нам кажется – аналогией. Неподалеку от Тубозера находятся Чёлмужи с шатровой Петропавловской церковью, возведенной в 1605 году, – на ее строительство делала щедрые вклады опальная Марфа Романова. Она любила наезжать сюда из Толвуи. Переплывала Повенецкий залив!

Еще раз подчеркнем: региональные границы – явление несомненное, но относительное. Они прозрачны для влияний. Тубозеро глядело и на Запад – в сторону Заонежья, и на Восток – в направлении Водлозерья.

Со всех сторон вокруг Тубозера выросло много шатровых храмов. Второй по древности после чёлмужского – соименный ему на озере Сандал (1620 год, Лычный остров).

Шатер доминировал во всем Обонежье.

До многоглавия – им процветут и Анхимово, и Кижи – было еще далеко.

С определенной долей вероятности мы можем предполагать, что шатер венчал и *Гаршину гору* – это сугубо гипотетическое, но важное для нас допущение.

Тубозерская Церковь Рождества Богородицы упоминается в *репорте исправника Вытегорского Духовного Правления*, который был составлен в 1798 году, – как видим, административное деление к этому времени изменилось. Указанная дата для нас весьма значима – это год, когда на Малом Колгострове обветшавший шатровый храм был заменен кубоватым: повторилась эстафета архитектурных форм, столь характерная для середины XVII века.

В 1865 году тубозерская церковь была отстроена заново. Экспедиция 1979 года успела зафиксировать ее жалкие останки.

2. Зачем нам нужны эти экскурсы?

Очень хочется понять, в какую архитектурную среду попала икона, написанная Игнатием Пантелеевым. Из новых разысканий стало ясно, что церковь, потребовавшая в 1798 году полной замены, простояла всего-навсего 90 лет – ее поставили в 1708 году на месте испепеленного молнией храма [10: 29]. Совсем недолгий для деревянного зодчества век! Нет никаких сомнений, что это был шатровый храм. А что предшествовало ему? Тут царит полная неясность.

Вновь прибегнем к аналогиям, но на этот раз зададим им другой вектор: это Юрьеворский монастырь и Троице-Сергиева лавра – отприск и корень, следствие и причина.

Е. В. Барсов писал о северной обители, которая считалась самой труднодоступной в России – была оселком для паломников: «*Нынъ этотъ монастырь упразднѣнъ и находится въ предѣлахъ Архангельской губерніи. Мои основателя его (7142–1633) Диодора существуютъ и до нынъ подъ спудомъ. Часть прихожанъ настоящаго Водлозерскаго Ильинскаго погоста, Пудожскаго уѣзда, принадлежала прежде Юрьеворскому монастырю*» [1; 29]. Здесь для нас важно очень тесное сближение Ильинского погоста и Юрьеворского монастыря – оно, и это казус, порой давало повод для их опрометчивого отождествления. Эта аберрация прочно утвердила в истории деревянного зодчества. Сейчас она развеяна. Однако этим не закрывается вопрос о взаимодействии двух святынь.

Могла ли архитектура обители повлиять на архитектуру погоста?

Насколько реально участие Диодора если не в строительстве Ильинской церкви, то в ее литургической жизни?

Скудные архивные материалы говорят о *клетской* церкви на Юрьевой горе. Но ведь она была не единственной! Какой облик могли иметь другие храмы? Развернем заявленную аналогию.

Решающую, воистину судьбоносную роль в создании Юрьеворского монастыря сыграл келарь Троице-Сергиевой лавры Александр Булатников. Без преувеличений: он был рьяным приверженцем шатров. И вот тому доказательные свидетельства:

– переписчик, сделавший для Александра Булатникова в 1623 году копию лицевого жития Зосимы и Савватия, не только сохранил, но и усилил мотивы шатрового зодчества в изображении соловецкого Преображенского собора – таковые сегодня считаются фантастикой, но осведомленный и требовательный заказчик, многократно и подолгу бывавший на Соловках, принимал их без критики и протеста; никак нельзя исключить то вероятие, что они отражали действительность, которая не стояла на месте – эволюционировала, трансформировалась;

– в 1636 году Александр Булатников возвел в периметре лаврских стен шатровую церковь, посвященную Зосиме и Савватию, – утонченностью и вытянутостью силуэта она напоминает графический образ из жития: если это была имагинация художника, то мы обретаем уникальный пример того, как воображаемое способно влиять на действительное.

Давал ли Александр Булатников архитектурные советы Диодору Юрьеворскому? Конечно, это спекулятивный – и все же законный вопрос: финансируя строительство, трудно не проявить интереса к тому, что будет получено в результате.

Вот наши аргументы – пусть не решающие, но ведь не лишние для стратегии поиска – в пользу той гипотезы, что и на Юрьевой горе, и на Малом

Колгострове уже в XVII веке могли стоять шатровые храмы.

3. 1708–1798 годы: неоспоримо, что в интервале этого времени икона Игнатия Пантелеева «Огненное восхождение пророка Илии» находилась внутри шатрового храма.

Для нас этот самоочевидный факт особо значителен – мы хотим дать ему философское и ценностное наполнение, хотя и преломляющее нашу субъективность, но кажущееся нам перспективным в плане познания мировоззренческих основ народной культуры.

Не будем подменять собой простого крестьянина-водлозёра.

Осознанное, отрефлексированное для нас было для него чем-то внепрассудочным, подспудным. И тем не менее детерминирующим жизнь духа! Пусть не прямо, а исподволь – через бессознательное.

Порыв шатра в трансцендентное – и взлет огненной колесницы: два импульса должны были суммироваться, создавая единую духоподъемную тягу. Что прекрасней и могучей этого унисона?

Вознесение – Восхождение – восхищение: в этом синонимическом ряду есть что-то разгонистое, разлетистое – одно понятие как бы подхватывает и усиливает другое. Экспрессия нарастает. Выразительные понятия задают основополагающую вертикаль культуры.

Это приоритетное направление.

Культура трансцендирует – движется за грань обыденного – чает небывалого, чудесного – и в этой своей жажде *иного* устремляется прежде всего *ввысь*.

Вдоль вертикали мы призваны подниматься духовно – небо стало нашей энтелехией, притягивающим нас аттрактором. К роли небожителей мы примериваемся уже сейчас.

Известен спор относительно семантики шатра – его суть передает такая дилемма:

– по граням шатра нисходит *долу* божественная энергия – он *осеняет* нас, берет под свою защиту;

– нет, у этих граней иное назначение – вздымание *горе* нашего духа, рывок в занебесье.

Думается, что в этом вопросе надо искать дополнительность – движение вполне можно мыслить двусторонним. Однако в своих рассуждениях мы будем акцентировать вторую версию.

И. В. Евдокимов писал: «*Народное мировопонимание, его вера, его свеча поставлена в образе шатрового храма*» [4: 31].

Пламя восходит вверх – совпадает с *Axis mundi*.

До сих пор дискутируется альтернатива: первые шатры строились на деревянное или каменное дело?

Автор лучшей книги о коломенском Вознесении Н. Е. Роговин писал о стилистических приемах, подчеркивающих взлетность храма:

«...они повторяют архитектурную тему, обычную в деревянном зодчестве Русского Севера» [12: 7]. Исследователь подбирает соответствующие параллели – наиболее полную и убедительную он находит в далекой Варзуге [12: 10]. Возвведенное там Успение датируется 1674 годом. Оно на 142 года младше своего каменного прототипа. Все-таки прототипа! По крайней мере в данной сопоставительной линии.

Семиотически истолковывая форму шатра, Н. Е. Роговин связывает ее с порывностью к небу – видит в ней знак этой порывности. Коломенское подсказывает именно такой подход, содействуя «выявлению идеи “вознесения”, отвечающей названию храма» [12: 7].

С точки зрения Н. Е. Роговина, *все шатровые храмы суть храмы вознесенные*.

Пусть спорный, но плодотворный взгляд!

С тезисом Н. Е. Роговина полемизировал М. А. Ильин: «*Это утверждение вряд ли может быть принято, так как в архитектуре невозможно столь прямолинейно воплотить тот или иной жизненный или легендарный факт*» [6: 18]. Аргументация такая: язык архитектуры – не изобразительный, а образный. Как если бы Н. Е. Роговин видел в шатрах натуралистическое решение темы! Идею Вознесения они воплощают символически. Тем таинственней и несказанней, что условный символ реально несет в себе некий заряд, работающий против гравитации.

Энергетика шатра непосредственно передается нам.

Мы чувствуем отрыв от земли – нам даруется радость полета.

Хочется сказать несколько слов о самобытном исследователе. Николай Ефимович Роговин начинал как художник-авангардист. Он участвовал в первой выставке «Бубнового валета». Потом мы видим его среди экспонентов «Ослиного хвоста» и «Миши». Вместе с М. Ф. Ларионовым и Н. С. Гончаровой он оформляет книгу Велемира Хлебникова «Мир с конца». Работ Н. Е. Роговина мы не замечаем на советских выставках. Он с головой уходит в изучение древнерусского искусства. Увражи, выполненные им в Коломенском, – впечатляющий пример того, как выполнение технического задания переходит во вдохновенное творчество. Наряду с И. В. Евдокимовым, Н. Е. Роговина следует назвать философом русских шатров – и их вдохновенным поэтом.

4. Шатровый храм является достойным обиталищем для Ильи-пророка. Архитектура храма – и заключительный аккорд в жизни святого: тут одна динамика. Процитируем ветхозаветное: «*Когда они шли и дорогого разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо*» (4 Цар. 2: 11).

У храма и колесницы – общая траектория.

Можно и должно говорить о ключевом *архетеипе вертикали*. Он получает разное напол-

нение – у него множество алломорфов. Один из них – язык пламени. Здесь не нужно отвеса – огонь восходит к зениту. Это его закон – его природа.

Епифаний Кипрский сообщает такое предание: «...когда родился Илия, отец его Совах видел в видении, что благообразные мужи приветствовали его, пеленали огнем и питали пламенем огненным» [13].

Будущий пророк как бы *ассимилировал* в себя пламя. Текущее и зыбкое, оно неисповедимо стало внутренним стержнем его жизни – прямым, неуклонным, неколебимым.

Так впервые в мировую культуру вошел великий мотив *горения духа*.

Искусствоведы иногда пишут: Илья возносится в *огненном шаре*. Перед нами изумительный образ Восхождения из Сольвычегодска (1570-е годы). Сфера – в проекции окружность – четко оконтурена. Изнутри к ней примыкает колесо: в большой круг – по касательной – вписан малый. Может возникнуть ассоциация и с геометрическим чертежом, и со стилистикой орфизма. Композиция кажется несколько рационалистичной. Этим однако не снимается эмоциональное напряжение.

Но вот другое решение – с возмущением симметрии: вместо шара – луковица.

Процитируем высказывание Е. Н. Трубецкого относительно данной формы: «...это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся» [15: 9].

Облако, в котором возносится Илья-пророк, часто похоже на такую луковицу. Провиденциальное сходство! Покрытие кубом – оно венчает Ильинскую церковь на Малом Колгострове – тоже моделирует пламя. Переядя из шатровой церкви в кубоватую, храмовая икона не потеряла в архитектурной поддержке – сложение импульсов имеет место и здесь.

Тема Вознесения в культурной традиции, восприемницей которой стала Русь, начинается с патриарха Еноха. Среди ветхозаветных апокрифов, имевших широкое хождение на нашем Севере, мы находим и «Книгу Еноха» – для нас особо значима ее так называемая *славянская версия*. Древнерусских интеллектуалов привлекали в ней и сам пафос Вознесения, и его результаты – возможность охвата мира как целого, небывалое расширение горизонтов. Читатель примеривался к точке зрения, занятой Енохом, – и ему открывалась величественная, насчитывающая семь ярусов иерархия небес, напоминающая в чисто структурном отношении пифагорейскую гармонию сфер. Определенные аллюзии этой гармонии мы находим у Дионисия в Ферапонтовом монастыре – одна из фресок изображает Еноха внутри системы концентрических окружностей. Позволив себе сугубо формальный анализ, обратим внимание на следующее: положение нимба на фреске Дионисия изоморфно положению ко-

леса в сольвычегодской иконе. Вполне возможно конгруэнтное совмещение двух композиций. Круг, сфера – это своеобычные и модели, и символы космоса: знаковое, условное тут совпадает с вещным, конкретным. Через тему Вознесения – в разных ее преломлениях – развивался народный извод философии, называемой сегодня так: *русский космизм*.

В северных монастырях охотно переписывалось «Откровение Варуха». Приведем отрывок оттуда: «*И взял меня ангел сильный и привел меня туда, откуда Солнце выходит. И показал мне колесницу огненную, кони той колесницы были как ангелы крылатые. На колеснице же сидел муж, а на голове у него был венец огненный*» [9: 490]. В этом тексте четко просматриваются реалии солярного культа. Колесница Ильи-пророка возьмет выше – умчит человека, ушедшего от смерти, за пределы Вселенной.

Наши пращуры зачитывались «Александрией».

Фантасмагорический сюжет – «Вознесение Александра Македонского на грифонах» – был весьма любим на Руси. Очень органично эта сцена смотрится на юго-восточной закомаре Дмитровского собора во Владимире (1191–1197 годы). Она волновала воображение – впечатывалась в сознание. А дальше могли воспоследовать ее весьма вольные, хотя и внутренне закономерные трансформации – так, краевед А. Иванов полагает, что простой народ усматривал в ней «известный и близкий его сердцу образ женщины-богини, которая, олицетворяя собой солнце, на небесных конях или птицах парит в небе. Инеродный сюжет в народных вышивках действительно стал сильно походить на прочие изображения женщины в окружении всадников» [5]. Подобные вышивки еще недавно можно было увидеть едва ли не в каждом доме окрест Ильинского погоста. Это неявная параллель к вертикали Вознесения. Женская фигура на подобных вышивках часто дается в позе адорации. Будучи алломорфом мирового древа, богиня вскидыванием дланей как бы подчеркивает направленность его роста: не преложно – к зениту.

Адорация – и *Вознесение*: первая предуготовляет второе.

Сейчас мы начинаем задавать Ильинскому погосту этнографический контекст. Доверясь игре ассоциаций, предшествующих системному сравнению, мы вскоре обнаруживаем: вокруг нас много адорирующих персонажей.

Вспомним петроглифы Бесова Носа – и доминирующий среди них женский образ с поднятыми к небу руками.

Вспомним каргопольских берегинь, так похожих на критские статуэтки.

А вот Благовещенская церковь в Турчасове: она роднится с Ильинским погостом не только своими кубоватыми храмами – связь тут проходит и через Диодора Юрьеворского, родившегося в этих местах. В изображении В. В. Суслова цер-

ковь выявляет свою глубинную антропоморфность. Разве не напоминает она о вдохновенном жесте адorationи?

На огромной синайской иконе – 129,1 x 69 см – Илья-пророк дан фронтально.

Святой адорирует.

Вскоре над ним закрутится огненный вихрь – и это станет ответом на его взвывание к небесам.

5. Илья-пророк пришел на Русь из далекой Иудеи – переселился в совсем другой эон из IX в. до н. э. Почему так легко и быстро он ассилировался в незнакомой, совершенно чуждой ему среде? Илья был принят как свой – без малейшей ксенофобии – на правах сущностного родства.

Конечно, адаптация имела место – но безболезненной ее сделало единство архетипа.

Первенствует именно архетип. На его порождающую матрицу могут накладываться разные образы. В нашем случае это такая последовательность: *Перун – Илья-пророк – Илья Муромец*.

Малый Колгостров дает богатейший материал для изучения двоеверия.

Еще в середине XIX века празднование здесь Ильина дня предполагало приношение в жертву *рыжего быка*.

Это хорошо известный мотив.

Читаем в «Ригведе»:

Я хочу сейчас провозгласить силу крепкого Рыжего быка (и) жертвенные раздачи Джатаведаса [11: 97].

Н. Н. Харузин утверждает: бык именно этой масти нужен был для того, чтобы «пророк Илья дал хорошую погоду для сенокоса и уборки хлеба» [16: 344].

Считалось возможным замещение быка лосем. Читаем у К. К. Логинова: «...принесение в жертву *рыжего*, т. е. “солнечного” животного, на Водлозере имеет архаические корни. По преданиям водлозеров, во времена легендарные вместо быка на острове приносили в жертву лося, который сам приплывал к людям с о. Гольяницы» [7: 62–63].

Солнечное и молниеносное были амбивалентными в народном сознании.

Бог-громовник мог нести в себе интенции солнцепоклонничества.

Выразительную аналогию к нашему двоеверию мы находим у эллинов – ветхозаветный Илья там тоже был принят с радушием, но наложение нового на старое имело иной вид. У нас – Перун, у эллинов – Гелиос. Существенно ли это различие? Думается, что оно второстепенно, эпифеноменально – в архетипических глубинах два культа конвергируют. Алгоритм перехода языческого в христианское – с неявным их совмещением, своего рода симбиозом – абсолютно одинаков у двух православных народов. О. Ф. Миллер пишет по этому поводу: «Так и у нынешних Греков сказания древних об Илии с е (солнечном божестве) оказываются перенесенными на Илью

пророка (чему могло содействовать самое созвучье имен; солнечные же во многих отношениях сродны с громовыми)» [8: 761].

Илья-пророк – и Илья Муромец: контаминация этих образов должна была ощущаться на Малом Колгострове со всей непосредственностью.

Даровитый сказитель Савелий Кузмич Панов жил в Куганаволоке. Трудно допустить, чтобы его не влекло сакральное средоточие Водлозерья – Малый Колгостров. Пусть воображение поможет нам представить, как под сенью Ильинской церкви он поет старину о Илье Муромце – записанный А. Ф. Гильфердингом текст несет печать яркой авторской индивидуальности [3: 79]:

*А и как приехал он ко крутой горы,
А и как поднялся его добрый конь от сырой земли,
А и как поднялся конь как ясён сокол,
А и ён повыше ведь лесу стоячаго,
Как пониже облачка ходячего...*

Знаменитый богатырский скок коня Ильи Муромца! Можете его узреть перед колесницей Ильи-пророка? Правда, взял он пониже стремительной четверки – не перекрыл высоту облака. Однако общая порода неоспорима.

У Ивана Поромского – жил он на соседнем Кенозере – конь так и просится на икону Восхождения [3: 154]:

*У коня изо рта-то пламя машё,
Из ноздрей у коня да кудряв дым валит.*

На пути к Водлозеру лежит Рагнозеро. От Осипа Ивановича Дмитриева тут записана уникальная сказка «Про Бан царицу, огненную колесницу». Иконный образ повлиял на фольклор – обрел в нем новую форму бытия.

Русский человек искони тянулся к небу.

Вот строки из «Голубиной книги» – записана П. Н. Рыбниковым от калики Ивана на Купецком погосте, что на Пудоге [2: 292]:

*Правда будет взята Богом с земли на небо,
А Кривда пойдёт она по всей земли.*

В поисках этой правды – дабы подняться в запредельную высь – наши пращуры создавали различные орудия: и мечтательные, и реальные.

Каменное Вознесение в Коломенском (1532 год) – и деревянное Вознесение в Пияле (1651 год): впечатляет своей глубиной связующее их созвучье. Рядом с этими шатровыми храмами – двумя проявлениями одной идеи – прекрасно смотрится *огненный столп*, однажды представивший св. Диодору на Юрьевой горе.

Многократно – и многообразно – акцентирована на Руси главенствующая вертикаль. Окончательно утвердило ее Христово Вознесение: «Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознёсшийся от вас на небо, придет таким же

образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян. 1: 9–11).

Восхождением Ильи-пророка предвозвещается Вознесение Иисуса Христа.

Искусство Русского Севера сохранило нам память о том, сколь искренне и проникновенно наш народ сопереживал два этих мистериальных события – одно грандиознее другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсов Е. В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и существующих в Олонецкой епархии, с их настоятелями // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. С. 3–29.
- Бессонов П. Калеки переходящие. М., 1861. 828 с.
- Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Т. 3. М.; Л., 1951. 672 с.
- Евдокимов И. В. Север в истории русского искусства. Вологда, 1921. 232 с.
- Иванов А. Тысяча лет на Воре. Семантика домовой резьбы ворьеских сел и деревень [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.library.krasno.ru/Pages/Kraevedenie/Ivanov_1000. Дата обращения 15.08.2015.
- Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI в. М., 1980. 280 с.
- Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. 292 с.
- Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. 830 с.
- Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. М., 1999. 896 с.
- Пигин А. В. Неизвестные факты из истории Ильинской церкви на Водлозере // Ильинский Водлозерский погост. Петрозаводск, 2009. С. 25–37.
- Ригведа. М., 1993. Мандала VI, 8. К Агни-Вайшванаре. С. 97.
- Роговин Н. Е. Церковь Вознесения в Коломенском. М., 1942. 24 с.
- Святой пророк Илия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/910383.html>. Дата обращения 23.08.2015.
- Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rus-ico.ru/artists/p/panteleev_ignaty. Дата обращения 28.08.2015.
- Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. М., 1916. 44 с.
- Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. С. 302–347.

Linnik Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VENERATION OF THE PROPHET ELIJAH IN VODLOZERO

Ilinskiy Pogost located in Vodlozero is regarded as a special asset in the spiritual space of the Russian North. It is located on the so to say watershed – not a geographical divide, but a cultural and historical ridge. It absorbs both types of influence: the western (Zaonezhie) and the eastern (Poonezhe) ones and synthesizes them both. The Church of the prophet St. Elijah (1798) has a cubical covering, which is characteristic of the architectural tradition applied in the structures erected on the shores of the lake Onega. Long before that time, the Small Colgostrov had a tent-shape church – a wide range of such architectural structures can be found on the shores of Onega Lake. The main temple icon was executed by Ignatius Panteleev in 1647. The Church was rebuilt several times, nevertheless, with all certainty, we can ascertain that in the period of 1708–1798 the image of “The Fiery Ascent of the Prophet Elijah” was exhibited inside the tent-shape church: verticalism specified by the semantics of the icon was supported and amplified by the dynamics of the octagonal tapering toward the Zenith of the coating. Such architectural solution incited doubled spiritual craving. This vector – aspiration to the sky – can be traced in the folklore material collected directly on the site. An attempt to restore the holistic context of the cult accompanying the prophet Elijah in Vodlozero is described in the article. The research also includes the study of Christian realities and pagan reminiscences associated with the worship of Perun. The aspiration toward sublime and heavenly is the most important intention of the local folk culture.

Key words: Ilinskiy Pogost of the Lake Vodlozero, tent-shape and cubical temples, the icon of Ignatius Panteleev, ascension, levitation

REFERENCES

- Барсов Е. В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и существующих в Олонецкой епархии, с их настоятелями [Alfavitnyy ukazatel' monastyrey i pustyn', uprazdnenyykh i ushchestvuyushchikh v Olonetskoy eparkhii, s ikh nastoyatelyam]. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. П. 3–29.
- Бессонов П. Калеки переходящие [Kaleki perekhozhie]. Москва, 1861. 828 с.
- Гильфердинг А. Ф. Онежские былины [Onezhskie byliny]. Том 3. Москва; Ленинград, 1951. 672 с.
- Евдокимов И. В. Север в истории русского искусства [The North in the history of the Russian art]. Вологда, 1921. 232 с.
- Иванов А. Тысяча лет на Воре. Семантика домовой резьбы ворьеских сел и деревень [A thousand years on the Thief. The semantics of carving in Vorskii villages]. Available at: http://www.library.krasno.ru/Pages/Kraevedenie/Ivanov_1000.
- Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI в. [Russian tent-roofed architecture. The monuments of the middle XVI century]. Москва, 1980. 280 с.
- Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья [The ethnic group of Russians in Vodlozero area]. Москва, 2006. 292 с.
- Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское [Ilya Muromets and epic heroes of Kiev]. С. Petersburg, 1869. 830 с.
- Мильков В. В. Древнерусские апокрифы [Ancient Apocrypha]. Москва, 1999. 896 с.
- Пигин А. В. Неизвестные факты из истории Ильинской церкви на Водлозере [Il'inskiy Vodlozerskiy pogost]. Петрозаводск, 2009. П. 25–37.
- Ригведа [Rigveda]. Москва, 1993. Мандала VI, 8. К Агни-Вайшванаре. С. 97.
- Роговин Н. Е. Церковь Вознесения в Коломенском [The Church of the ascension in Kolomenskoye]. Москва, 1942. 24 с.
- Святой пророк Илия [St. Elijah the prophet]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/910383.html>.
- Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. [The dictionary of Russian icon painters of the XI–XVII centuries]. Available at: http://www.rus-ico.ru/artists/p/panteleev_ignaty.
- Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках [Speculation in paints]. Москва, 1916. 44 с.
- Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии [Iz materialov, sobrannykh sredi krest'yan Pudozhskogo uezda, Olonetskoy gubernii]. Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. П. 302–347.

Поступила в редакцию 03.09.2015